

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ
ПРОФЕССИОНАЛ

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке - гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж - аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание - End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулкa

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Прощание
с кошмаром

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С11

Оформление серии *С. Груздева*
Под редакцией *О. Рубис*

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С11 Прощание с кошмаром : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 432 с. — (Следствие ведет профессионал. Детективы Т. Степановой)

ISBN 978-5-699-95032-4

Почерк этого убийцы не спутаешь ни с каким другим: он уносит с собой головы своих жертв. Множество самых неожиданных версий придется проанализировать начальнику «убойного отдела» Никите Колосову и журналистке Кате Петровской, прежде чем зигзаги расследования приведут их к дверям respectable особняка. Кроме комнат, обставленных с аристократической изысканностью, в нем имеется подвал, куда даже хозяин спускается весьма неохотно. И это понятно: ведь нормальный человек с трудом может принять то, что происходит под сумрачными сводами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2017
© Оформление.
ISBN 978-5-699-95032-4 ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Свет в подвале был недостаточно ярким. Мощная лампа, укрепленная на стальном кронштейне в центре низкого сводчатого потолка, освещала лишь малую часть этого просторного помещения. Ниши в кирпичных стенах со встроенными в них закрытыми стеллажами, углы — все это тонуло в сумраке. В подвал никогда не заглядывало солнце — здесь просто не было окон. И когда гасили лампу, тут воцарялась крошечная тьма.

Но сейчас в подвале было светло и работали люди. Двое. Оба полуодетые, взмокшие от усталости и напряжения. Несмотря на жаркий летний день, в подвале всюду раскочегарился АГВ — нагревал воду в чугунном корыте, вмонтированном в цементный пол. Была включена на полную мощность и электроплитка. Над ней на крюке, вбитом в стену, что-то сушилось. Что-то темное, бесформенное.

Люди трудились молча и сосредоточенно. Точнее, работал один, сидя за небольшим столом со столешницей из белого больничного кафеля. Так ее было удобнее мыть **после работы**. Просто протереть губкой с мылом...

Второй стоял у стола, подавал инструменты как подмастерье. Вот из рук в руки перешли длинные изогнутые хирургические ножницы, вот нож с коротким острым, как бритва, лезвием.

— Г-гадство... расплзается прямо под руками... г-гадство. — Тот, кто работал за столом — молодой

парень, внезапно резко выпрямился. — Не рассчитал, потянул, а оно...

Второй — постарше — придушенно ахнул, всплеснул руками:

— Потянул? Ну-ка покажи! Разорвал?! Опять все испортил? Ну-ка дай сюда!

Он грубо спихнул сидящего со стула, наклонился и...

— Ч-черт! Черт, зараза, у тебя руки или что, Женька? Руки с какого места растут? Потянул он! Снова все испортил! Снова все насмарку — столько трудов! Кретин несчастный, что вытаращился на меня? Это что, работа? Работа, а? Этому тебя учили?!

— Меня учили делать работу хорошо... Стараться... — Речь «несчастливого кретина» была немного странной — чуть замедленной, словно он припоминал слова заученного урока, ускользавшие из памяти. — Я не хотел...

— Не хотел он! Ну а что теперь с этим делать? Куда это девать? Разрыв на самом видном месте, — шипел старший. — Это даже выбросить нельзя. Черт! Столько работы, столько мучений и вот — все коту под хвост.

— В прошлый раз я все сделал правильно, — младший нахмурился. — И в прошлый раз не было такого гадства. Я говорил, что это нельзя класть в холодильник. — Он кивнул на белое громоздкое пятно, выступавшее из сумрака дальнего угла подвала.

Старший снова грубо толкнул младшего — вроде приказывая посторониться, а на самом деле просто срывая злость и досаду. **Положить это в холодильник** была его идея. Чучельник и правда предупреждал, что этого делать нельзя. Чертов полудурок оказался прав!

Где-то наверху, словно под сводами, лязгнула железная дверь. Кто-то осторожно начал спускаться по лестнице.

— Ну, как дела подвигаются? — Того, кто спрашивал, трудно было разглядеть в сумраке. Голос же, хорошо поставленный, мужественный и звучный, но

сейчас усталый, с простуженной хрипотцой, свидетельствовал о том, что обладатель его тоже еще молод, но и молодость, а также, возможно, и иные подарки судьбы — здоровье, привлекательность, физическая сила — ему уже как-то не в радость. Отчего? Ответ на этот вопрос подсказали бы его глаза, взгляд, выражение лица. Но человек так и остался невидимкой, прячущимся в тени: спустился лишь до середины лестницы, куда не достигал свет лампы, и остановился, облокотясь на железные перила.

— Все ни к черту, — старший из работавших в подвале злобно сплюнул. — Разорвалась!

Он чувствовал на себе взгляд стоявшего на лестнице. Тот явно ждал объяснений, жалоб: мол, Чучельник снова все испортил. Проклятый идиот! Но жалоб не последовало. Старший не имел привычки играть роль доносчика. Чаще он даже брал вину на себя, выгораживая Чучельника. Так уже было не раз. Ведь Чучельник доводился ему младшим братом. И он считал, что они всегда разберутся сами между собой, без посторонних.

— Ну, чего-то в этом роде и следовало ожидать. При такой квалификации, — стоявший на лестнице усмехнулся. — Значит, придется исправить ошибку.

Наступила гнетущая пауза. Было слышно лишь шипение электроплитки да клокотание начинавшего бить ключом кипятка в чугунном корыте.

— Очень жарко тут, — заметил стоявший на лестнице. — Сахара, да... Ну, что застыли? Идите отдыхайте пока. Только сначала, Егор, убери здесь все. **Будь добр.**

В последних словах было что-то такое... Старшему почудилось, что он словно змее на хвост наступил и она человеческим голосом заговорила с ним...

— Ладно, — буркнул он торопливо и покорно. — Я уберу и... Только принеси пластиковый мешок, наши тут все кончились. Я в таком виде наверх не пойду. А вечером вывезу все... все бранные останки... Мы не хотели, правда. Так получилось. Материал — дрянь.

— Г-гадство, — эхом откликнулся его напарник. Голос его дрогнул от разочарования.

— Начнете все сначала. — Шаги двинулись по лестнице вверх. — Сейчас принесу пакет и швабру. И пусть Женька пол тут вымоет до зеркального блеска, а то... — Дверь лязгнула.

Человек постарался закрыть ее за собой как можно тише, но она, проклятая, все равно каждый раз лязгала, как несмазанные крепостные ворота или магнитный запор новехонького домофона в кооперативном доме. Он медленно направился по узкому коридору в кладовку. Эти переходы-щели и этот гулкий и просторный, как футбольное поле, подвал — все это были издержки планировки старого замоскворецкого купеческого особняка: приземистого, двухэтажного, с мезонином и развалившейся башенкой-флагштоком на покато́й крыше.

Особняк недавно был отремонтирован, но старую планировку помещений сохранили. Он сам лично стоял на этом. Некогда, до революции, в этом доме помещался лабаз и товарные склады купца Пескова. Затем уже перед самым 17-м сюда переехало замоскворецкое отделение Русско-азиатского коммерческого банка. Тогда-то здесь укрепили и обустроили этот роскошный подвал-бункер. А после революции и войны тут обитало бесчисленное множество сменявшихся друг друга контор и НИИ, последний из которых развалился в начале 94-го от безденежья и неостребованности его научных идей и кадров. И в этом же году дом, точнее его обветшалый призрак, откупил у властей столицы предприимчивый Салтычиха. Сначала здесь планировалось открыть салон по продаже стройматериалов, но затем...

Дверь демонстрационного зала была приоткрыта. Оттуда лились потоки жаркого солнечного света — стекла современных окон немецкого качества, скрадывающих уличный шум, защищенных мощной стальной решеткой, всего два дня как отмыли.

Из зала доносилась тихая музыка: перед тем как

спуститься в подвал, он включил в зале видео, причем исключительно из-за музыки выбрал фильм «Дитя Макона» Питера Гринуэя. Но находившиеся в зале покупатели не смотрели на экран, где разыгрывалась мистерия о девственнице, родившей младенца. Покупателей всего-то было двое: ожиревшая немолодая супружеская пара, более похожая не на людей, а на породистых шарпеев, бредущих на одной сворке. От количества украшений на «мадам» у него сразу же зарябило в глазах. И он поручил их заботам умницы Лекс — Лександры-Александрины. Пусть поглазеют, приценятся, может, что и купят сдуру...

— Это чересчур уж какое-то пестрое, Ира, — донесите вальжный басок. — Глянь на табличку-то во он там внизу... Что он там намалевал-то? Как это хреновина зовется?

— Зато модно и подойдет под обои, — голос «мадам» был безапелляционен, словно неотложное хирургическое вмешательство. — В спальне, Лёсик, над кроватью нам просто необходимо такое яркое, цепляющее глаз пятно. И вообще, по-моему, это стильная вещь. Девушка, эта картина продается? Сколько она стоит?

«Оттого-то **они**, накопив к сорока годам бабок и переведа их благополучно за Альпы, и бросают таких вот подруг суровых дней и бедной юности и женятся на юных, длинноногих и миловидных. Такое карканье над ухом каждое утро — это ж подохнешь!» Человек осторожно прикрыл дверь в демонстрационный зал. Эти двое еще долго будут раскачиваться, он успеет зайти в кладовку, отнести все вниз и вернуться. К тому же, если эта парочка все же надумает купить этуод Сарьяна, Лекс его позовет.

В кладовке он извлек из старой рухляди пластиковый пакет, из тех, в которых домохозяйки хранят в антимоли меховые вещи. Весной они с Егором купили целую кипу таких пакетов в хозяйственном в Павловском Посаде. Великоват, конечно, но удобен. Самое

оно: черный плотный пластик. И главное — **непромокаемый**.

Когда он возвращался, сквозь закрытые двери зала все еще доносилась музыка. Клавесин, свечи, тайна средневековой мистерии — «Дитя Макона»... Бог ты мой, Гринуэй и его грезы, божественная заумь... Но очень, очень душевно и заманчиво. А кто не знает, тот, как говорится, пусть отдыхает. Пусть...

Там, за этими дверями, было все то, что он любил. И там была Лекс и эти шарпеи с их невежеством и деньгами. А он... он лишь крепче зажал под мышкой пластик и двинулся в подвал — место, которое и существовало только для того, чтобы была возможность и впредь иметь все те милые сердцу, приятные духу, глазу, слуху предметы и вещи. Это было словно две стороны одной медали — подвал и то, что наверху, над подвалом, залитое солнечным светом, наполненное музыкой. И одна без другой стороны существовать не могли.

Человек открыл дверь в подвал, и она снова лягнула, пугая тишину. **ЧТО Ж, ЕСЛИ ВСЕ ИХ ТРУДЫ ПОШЛИ НАСМАРКУ, ЕСЛИ ИСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ СНОВА ИСПОРЧЕН, ПРИДЕТСЯ НАЧИНАТЬ ВСЕ ЗАНОВО.** С нуля. А те **бранные останки**... Человек не хотел лукавить сам с собой — сил нет смотреть на эту блевотину, этот ужас, но... Вечером Егор отвезет эту мертвечину куда-нибудь подальше за Кольцевую. И зароет в лесу. Как он делал и прежде, когда работа не удавалась. И никто никогда ничего не найдет. Никто и никогда.

Глава 1

ПРОПАВШИЙ ПАССАЖИР

Дело оказалось совсем не таким простым, каким представилось на первый взгляд. Даже совершенно непростым — в цепи событий внезапно появилась странная загадка, и это весьма и весьма озадачило Катю Петровскую.

Катя, а если более официально, Екатерина Сергеевна — криминальный обозреватель пресс-центра областного ГУВД, вот уже целую неделю слезно жаловалась всем и каждому, что по уши увязла в трясине скуки: лето — мертвый сезон. И даже уголовный элемент всех мастей и окрасок знойным месяцем июнем, когда на небе ни облачка, а на градуснике тридцать выше нуля, вял, ленив и малооригинален в нарушениях закона.

Нельзя было, конечно, сказать, что на всем белом свете, а точнее, в лучшей его части — Подмоскowie вообще не случалось никаких криминальных происшествий. Нет, как обычно, «контингент» регулярно совершал противоправные действия: воровал, насиловал, грабил. Но все это была уже набившая оскомину, надоевшая до чертиков рутина — никаких ярких, захватывающих, интригующих тем для газетного репортажа. Ни малейшей сенсации.

Короче — полный профессиональный ноль. Но вдруг... Сидя в пустом кабинете, залитом заходящим над родным Никитским переулком солнцем, едва живая от духоты и усталости, Катя — по ряду причин ей предстояло задержаться на службе до восьми вече-

ра — в который уж раз перебирала в памяти события минувших суток, результатом которых и стала эта ужасная и таинственная находка в лесном овраге.

Началось же все это дело с громкого, хотя и не особенно оригинального ЧП: на двадцатом километре шоссе, ведущего в аэропорт Быково, ранним июньским утром водитель бензовоза неожиданно для себя услышал доносившиеся из-за поворота дороги выстрелы. Рисковать он не стал — мигом развернул машину-бензовоз и что есть сил погнал на ближайший пост ГАИ.

Первый милицейский наряд прибыл «туда, где стреляли», то есть на двадцатый километр, через четверть часа, точнее, в пять семнадцать утра. Кате же и прочим сотрудникам пресс-центра стало известно о происшествии, как только они пришли на работу — то есть около девяти утра. Но пока собрались, пока завели свою потрепанную машину, пока «докондѣхали» до городка Красноглинска (расследовать ЧП пришлось ОВД именно этого района), дело уже крутилось вовсю, и к официальным лицам, как-то: следователю Красноглинского ОВД, сотрудникам спецбатальона ГИБДД и местному начальству, окрыленному энергичным раскрытием и задержанием по горячим следам банды дерзких злоумышленников, — было прямо-таки не подступиться на пушечный выстрел. Все «официальные» были до чрезвычайности «при исполнении» и от прессы и телекамеры прямо шарахались: у нас такое раскрытие, ребята, а вы тут со своей ерундой под ногами крутитесь!

Но Катю подобным обидным пренебрежением было не пронять. Вы, ребята, сами по себе — и мы из пресс-центра тоже сами по себе. У вас — героическое раскрытие особо тяжкого, а у нас — святая обязанность информировать о вашем героизме и оперативности широкие массы, формируя у общественности позитивный взгляд на деятельность правоохранительных органов. Так что будьте ласковы, товарищи следователи и оперы, не скарעדничайте, не зажимайте

информацию, а смело делитесь с ведомственной прессой о том, как вы сейчас взяли этих бандитских гадов, как сделали их и...

Вишневый «Икарус» на обочине — это было первое, что узрела Катя еще из окна пресс-центровских «Жигулей». Пустой автобус, а возле него — толпа галдящих испуганных пассажиров, милиционеры в форме, эксперт-криминалист с фотокамерой.

— Они к нам сразу же как сиганули, заорали: «Ограбление, всем стоять-сидеть на местах, быстро деньги — «зеленые» и какие есть, и все золото, что на пальцах и в ушах». Так прямо и заявили, дословно говорю, — возбужденно жестикулируя, рассказывала одна из женщин в толпе, обращаясь к стоявшему подле нее омоновцу. — Это прям какой-то ужас — в двух шагах от аэропорта! Сначала-то никто из нас и не понял ничего. А потом, когда этот лоб в маске выстрелил, мы...

И правда, как удалось выяснить Кате из бесед с очевидцами-пассажирами, в первую минуту в «Икарусе» никто толком ничего не понял. На этом автобусе ехали в столицу дальние путешественники — челноки аж из самой Йошкар-Олы. «Икарус» был забит багажом до предела. После утомительного ночного переезда почти все пассажиры в салоне спали. Водителя, валившегося на руль от усталости, только-только сменил его напарник. Утреннее шоссе (а часы на приборной доске «Икаруса» показывали всего половину пятого утра) было пустынным и тихим.

Как вдруг на двадцатом километре автобус бесшумно обогнала неизвестно откуда взявшаяся черная «девятка». Она вильнула перед самыми фарами «Икаруса» и резко перегородила дорогу. От неожиданности водителя прошиб холодный пот — столкновение казалось неминуемым. Он крутанул руль, взвизгнули тормоза и...

— Открывай дверь, быстро! — Водитель даже не успел понять, что происходит: к автобусу бросились пассажиры «девятки» — один, второй, третий. Секунда — рывок, и... некто в черной маске-«бандитке» уже

у самой кабины. На водителя уставилось пистолетное дуло.

Некоторые пассажиры «Икаруса» проснулись от резкой остановки. Других разбудил шум, когда эта троица из «девятки» (всего, как оказалось, там было четверо) ворвалась в салон и прямо с порога громко объявила, что это, мол, ограбление, деньги, мол, на бочку...

Сама бандитская акция длилась не более восьми минут. Как рассказывали пассажиры, один из налетчиков в маске продолжал держать водителя под дулом пистолета, второй — явный «водила» — оставался за рулем, а остальные двое (тоже в масках) быстренько прошвырнулись по салону. Мало слов — много дела, угроз и экспрессии: дуло в зубы, рука — за дамскую сумочку, мужскую визитку, бумажник. Некоторых пассажиров заставляли вставать — срывали кожаные пояса с деньгами. А одному бедолаге даже приказали спустить брюки и трусы, подозревая у него потайной набрюшник. Когда пассажир заартачился, а остальные негодуя зашумели, бандит, охранявший водителя, молча и многозначительно пальнул — конкретно ни в кого не целился, но негодование разом стихло.

Ограбление шло своим чередом, пока, по словам очевидцев, нападавшие не дошли до «той женщины в красной кофте», как ее называли остальные пассажиры «Икаруса». Когда бандит схватил ее сумку, женщина забилась в истерике, крича, что еле нашла денег на поездку, наскребла у родственников, что дома дети, парализованная мать, что муж вот уже полгода как не получает зарплату на заводе, и что, только продав эти чертовы корейские кофты из ангорки, она надеялась хоть как-то свести концы с концами, и что «неужели у вас нет сердца и вы не понимаете, что мы так с голоду подохнем?!», и что «уж лучше стреляйте меня, потому что без денег я дома детям на глаза не посмею показаться!».

Нападавшие явно не ожидали такого потока бра-

ни, слез, воплей, яростной непокорности и абсолютного презрения к демонстрируемому огнестрельному оружию. Тот, кто «экспроприировал» сумку, сначала даже попытался, но потом, расвирепев, со всего размаха въехал строптивой жертве кулаком в подбородок. Нет, никто из пассажиров не вступился — все челноки были парализованы страхом, однако...

Однако этот эпизод и явился катализатором к дальнейшим событиям, которые, как опять же рассказывали очевидцы оперативникам, следователю и лично Кате, развивались так: женщина захлебнулась криком, но продолжала отчаянно цепляться за сумку. Ее ударили рукояткой пистолета по пальцам. На заднем сиденье оставалось еще четверо необобранных пассажиров. Им приказали «по-быстрому скинуть баксы», но они медлили. Тогда бандит, охранявший переднюю дверь, снова выстрелил — на этот раз пуля разбила стекло в одном из окон. С грохотом посыпались стекла, среди пассажиров началась паника, и в этот миг шофер, воспользовавшись тем, что о нем вроде бы позабыли, **закрыл двери автобуса**, а сам попытался через свою персональную дверь выскочить из кабины, но... Бандит в маске выстрелил на этот раз уже прицельно в этого безрассудного смельчака. К счастью, лишь легко ранил в мякоть предплечья.

— Открывай двери! У нас гранаты с собой — взорвем к... весь ваш табор!!! — орали нападавшие. — Считаю до трех, ну!

— Откройте двери, ради Бога, пусть они убираются, — запричитали наиболее пугливые из пассажиров. — Не дай Бог возьмут нас в заложники!

Водитель не стал ждать второй пули — открыл **обе двери**. И вот черная «девятка» газанула — и только они ее и видели.

Когда Катя беседовала обо всех этих событиях с потерпевшими, те ее через каждую секунду спрашивали: «Девушка, а правда, что их задержали? Это точно? И когда же нам вернут наши деньги?»

Катя насчет задержания говорила, что правда, а